

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ С СОВЕТСКИМИ, ПАРТИЙНЫМИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМИ ОРГАНАМИ (1918–1922 гг.)

А.В. КРЫЖАН

*Региональный
открытый
социальный
институт г. Курск*

В данной статье на примере Курской губернии рассмотрено взаимодействие учреждений юстиции с советскими, партийными и чрезвычайными органами на местах. Вскрыты причины и последствия возникавших межведомственных конфликтов. На основании архивных материалов показано стремление уездных органов юстиции защищать законность и обеспечивать правопорядок в обществе вопреки ведомственным амбициям других государственных учреждений и чрезвычайных органов.

Ключевые слова: революционная диктатура, законность, местные органы юстиции, ревтрибунал, губернские комитеты партии, ВЧК, продовольственные комитеты, продовольственная диктатура, разверстка, правопорядок

Теоретическим обоснованием государственного строительства постоктябрьского периода стала идея о необходимости установления революционной диктатуры, имеющей временный характер и решающей задачу слома старой государственной машины. Однако революционная действительность достаточно быстро внесла коррективы в теоретические построения. Уже в 1918 г. стало очевидным, что идеализированное представление о Советах как гарантах правопорядка, опирающегося на революционную сознательность масс, не выдерживало испытания действительностью. С весны 1918 г. большевики постепенно начинают осуществлять перераспределение властных полномочий в пользу государственных органов, так как только путем жесткой централизации можно было приостановить возникшую политическую анархию и решить задачи построения нового общества.

Отрицание большевиками необходимости разделения законодательной и исполнительной власти не позволяло четко регламентировать компетенции властных органов. Кроме того, развитие новых общественных отношений при слабой законодательной базе также создавало проблемы во взаимоотношении органов государственного управления.

В данной статье рассматривается проблема взаимодействия органов юстиции с другими элементами системы государственной власти в сложный период становления советского общества. Место и роль органов юстиции в этой системе имели определенные особенности, которые предопределялись тем, что эти учреждения, призванные охранять законность, действовали в условиях, когда приоритет права даже не декларировался властью.

В статье исследованы характер и содержание взаимоотношений уездных бюро юстиции с соответствующими партийными, советскими и чрезвычайными органами на примере нескольких уездов Курской губернии.

С установлением новой власти на местах начали создаваться не только судебно-следственные, но и административные органы в форме губернских отделов и уездных бюро юстиции. Это привело к возникновению двойного подчинения указанных учреждений: с одной стороны, – местным исполкомам, при которых они были образованы, с другой – Наркомату юстиции.

Исследуя процесс становления российской государственности в постреволюционный период в фундаментальном труде «История Советской России», Э. Карр высказал точку зрения о том, что, начиная с 1919 г., идея прямого народовластия стала лишь декларируемым лозунгом. «Местным органам [исполкомам Советов] пришлось довольствоваться формальной властью, которая нормально не осуществлялась»¹. Тем не менее между исполкомами и местными органами юстиции возникали достаточно принципиальные противоречия, которые наиболее очевидно проявлялись на уездном уровне.

Одной из основных задач уездных бюро юстиции было руководство деятельностью судебно-следственных учреждений. В свою очередь бюро юстиции входили в структуру уездных исполнительных комитетов. Очевидно, что такая ситуация вызывала у советских руководителей представление о непосредственном подчинении им народных судов, тем более, что по По-

¹ Карр Э. История Советской России: Кн.1. – М., 1990. – С. 180.

ложению о народном суде РСФСР судьи избирались уездными исполкомами. Исполкомы пытались воздействовать на судей в отношении характера выносимых приговоров, несанкционированно отстраняли от должности, вызвали для объяснений, почему так, а не иначе разрешено дело². Заведующий Курским отделом юстиции отмечал, что «некоторые уисполкомы до сих пор не хотят примириться с установленным законом ограничении их ранее ничем не ограниченных прав в деле отозвания и утверждения Народных судей и Народных следователей, самостоятельно заменяя одних судей и следователей другими»³.

Попытки уездных руководителей воздействовать на процесс судопроизводства были столь частыми, что вынудили губернский исполком обратиться с разъяснением о порядке взаимоотношений судебных и советских органов. В разъяснении подчёркивалось, что советские органы не вправе вмешиваться в работу судов и следователей и не могут требовать от судей объяснений по поводу вынесенного приговора или решения. Должностные лица, сделавшие распоряжение об отстранении в административном порядке от должности судьи или следователя без утверждения губисполкомом подлежат преданию суду за превышение власти⁴.

Конфликты органов юстиции с советскими органами касались не только судебных учреждений, но зачастую возникали по причине стремления уездных бюро юстиции защитить права отдельных граждан. В этой связи показательным является дело братьев Осадчих, рассматривавшееся в Рыльском уезде в начале 1921 года. Оно возникло в связи с заявлением гражданина К.Д. Осадчих следователю 2-го следственного участка Дроздову о том, что у него по предписанию Рыльского уездного исполкома отобрали имущество, принадлежавшее его детям, близнецам Александру и Михаилу. Действительно, распоряжение председателя уездного исполкома Самойлова от 17.01.1921 предписывало начальнику милиции 2-го района Рыльского уезда «произвести опись имущества сирот Осадчих Александра и Михаила, проживающих в д. Маниной, и по описи передать их опекуну – деду Толстых Павлу. Если же со стороны гр. Осадчих Константина Дмитриевича будет оказано сопротивление к производству описи, то немедленно такового арестовать и представить в Рыльский уисполком»⁵.

К.Д. Осадчих – отец указанных братьев – не был лишен родительских прав и, согласно ст. 153 Кодекса законов об актах гражданского состояния⁶, являлся представителем интересов детей без назначения опекуном. Следователь 2-го участка счел действия властей незаконными и вынес постановление о рассмотрении этого вопроса уездным съездом Народных судей. Съезд поручил следователю Дроздову провести предварительное следствие, однако председатель уисполкома Самойлов не только отказался от дачи показаний, но и пригрозил Дроздову арестом на 14 суток⁷.

Дело об имуществе «сирот» постановлением председателя уездного бюро юстиции Костромина было передано в суд 2-го участка, который 24.02.1921 признал изъятие имущества незаконным⁸. Что касается действий советских властей, то они были выделены в отдельное делопроизводство, которое было передано «в убуост для направления по подследности на предмет привлечения виновных к ответственности»⁹.

Несомненно, что подобное стремление органов правосудия защищать законные интересы граждан ущемляли властные амбиции советских руководителей и не улучшали взаимоотношений уездных бюро юстиции с исполкомами.

Вторым следствием образования местных административных органов управления юстицией было дублирование компетенций разными учреждениями. Например, претворением в жизнь декрета об отделении церкви от государства занимался как отдел юстиции, так и отдел управления при губисполкоме. Расследованием дел о саботаже, контрреволюции и прочих опасных преступлениях занимались как следственные комиссии при ревтрибуналах, так и ВЧК. Дублирование еще более усилилось с образованием чрезвычайных органов (революционные комитеты, продовольственные комитеты и т.д.).

² Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р – 451. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 3.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А–353. – Оп. 5. – Д. 42. – Л. 4.

⁴ ГАКО. Ф. Р – 451. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 71

⁵ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф.3. – Оп. 1. – Д. 39. – Л.55.

⁶ Там же. – Л. 56.

⁷ Там же. – Л. 53.

⁸ Там же. – Л. 58.

⁹ Там же. – Л. 57.

Рассмотрим взаимоотношения органов юстиции с органами внутренних дел и ВЧК в 1918–1922 гг. Они имели ряд особенностей, которые были обусловлены следующими факторами:

- 1) отсутствием четкого разграничения компетенции правоохранительных органов;
- 2) беспрецедентно обширной компетенцией ВЧК как органа, созданного для поддержки диктатуры пролетариата;
- 3) недостаточной разработанностью правового регулирования борьбы с преступностью;
- 4) крайне низким уровнем квалификации кадров.

Отсутствие урегулированных отношений между милицией и органами юстиции зачастую становилось препятствием на пути к осуществлению правосудия. В отчете заведующего Курским губернским отделом юстиции отмечалось, что «отношение работников милиции к розыску преступников, производству дознаний явно халатное, вследствие чего в следкомах есть случаи приостановки производства следствия. Были случаи, когда милиция сама приступала к дознанию либо уездная милиция направляла дознание не уездным следственным властям, а в г. Курск»¹⁰. Претензии работников правоохранительных органов на создание препятствий в работе были взаимными. Циркуляр губернского отдела юстиции № 2822¹¹ содержит сообщение Курского управления милиции о том, «что во многих случаях при разборке дел судами несвоевременно посылаются в учреждения милиции извещения о дне слушания»¹².

Мешающая нормальной работе разобщенность действий стала предметом обсуждения на Курском губернском совещании деятелей советской юстиции в декабре 1921 г. Резолюция совещания призвала «судебных следователей к ... полному товарищескому единению в совместной работе с милицией и уголовным розыском в деле борьбы с преступностью»¹³.

Взаимоотношения органов юстиции с ВЧК были еще более сложными. Утвержденное на заседании ВЦИК 28 октября 1918 г. Положение о ВЧК зафиксировало прямое подчинение её Совнаркому и указало, что комиссия работает в тесном контакте с НКЮ¹⁴. Но еще до утверждения этого положения, Наркомат юстиции циркуляром, подписанным Наркомом Д.И. Курским 19.10.1918 г., разъяснил заведующим губернскими отделами юстиции, что «в своей деятельности ВЧК совершенно самостоятельна»¹⁵.

Очевидно, что амбиции центрального органа проецировались на местные ЧК. Приведенный выше циркуляр характеризовал статус местных чрезвычайных органов следующим образом: «На местах Губчрезкомы и Уездчрезкомы подчинены: первые – ВЧК, вторые – Губчрезкому»¹⁶.

Характерна резолюция вышеупомянутого совещания деятелей советской юстиции по докладу «Губотюст, Губревтрибунал и ЧК», в постановляющей части которой записаны следующие решения: «1) Губернскую ЧК реорганизовать так, чтобы она в конечном счете стала подлинным и совершенным политическим органом. 2) Необходимо отобрать у ЧК судебные функции вообще, оставив за ней право непосредственной расправы всеми мерами лишь в случае вооруженных восстаний. 3) Постепенно ликвидировать следственный аппарат ЧК, передавая функции народным следователям»¹⁷.

Местные чрезвычайные комиссии реагировали на попытки других учреждений влиять на их деятельность, опираясь на наиболее сильного из имеющихся союзников – РКП(б). В сентябре 1921 г. Курская губернская чрезвычайная комиссия обратилась с письмом в губернский комитет РКП(б), которое циркулярно было разослано во все партийные организации. Признавая наличие антагонизма и конфликтов между различными правоохранительными учреждениями, ГубЧК называет в качестве причины этих явлений несознательность «работающих на местах товарищей. Подчеркивая это слово, комиссия утверждает, что первопричиной происходящих конфликтов является задор, дебоширство, озорство, самовластие, местничество, взаимная грызня»¹⁸.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р – 451. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 2.

¹¹ Документ подписан в июне 1920 г., число не поддается прочтению.

¹² ГАКО. Ф. Р – 451. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 29.

¹³ ГАРФ. Ф. А–353. – Оп 5. – Д. 42. – Л.19.

¹⁴ Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 69.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А–353. – Оп.2. – Д. 21. – Л. 24.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГАРФ. Ф. А–353. – Оп 5. – Д. 42. – Л. 21.

¹⁸ ГАОПИКО. Ф. П–65. – Оп. 1. – Д. 143. – Л. 125.

Однако поиски субъективных причин, равно как и приведенные выше решения конференции работников юстиции, были лишь благими пожеланиями. Проблема сложилась не на местном уровне и имела более глубокие корни.

В статье «Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 года» Д.С. Новоселов приводит утверждение члена ВЦИК М.Ф. Владимирского о том, что «... органы по борьбе с контрреволюцией оторвались от самого Совета и повели не только изолированное от него существование, но зачастую сами стали себя считать более высшими органами, чем сам Совет»¹⁹. Указанное положение предопределялось тем, что, во-первых, деятельность ВЧК не ограничивалась законодательными рамками, так как её существование в отличие от остальных органов не было зафиксировано в Конституции 1918 г. Во-вторых, как считает Д.С. Новоселов, ВЧК не была частью государственного механизма, а являлась карательно-репрессивным органом большевистской партии²⁰.

Будучи чрезвычайным органом и имея дело с особо опасными преступлениями, ЧК использовала чрезвычайные методы борьбы с ними, которые далеко не всегда были законными. В то же время фактическая бесконтрольность создавала благодатную почву для разного рода злоупотреблений. В сентябре 1919 г. в результате оперативных действий, произведенных губернским отделом юстиции совместно с Реввоенсоветом, был арестован и передан суду трибунала заведующий секретным отделом Курского ГубЧК Орлов. В ходе расследования выяснилось, что за взятки «спиртными напитками, бриллиантами, в крайнем случае деньгами»²¹ Орлов освобождал из ЧК любых заключенных.

Что же касается руководства со стороны РКП(б), то если в отношении органов ВЧК оно было очевидным, то в отношении органов юстиции этого утверждать нельзя.

В архивных фондах отсутствуют свидетельства какого-либо активного взаимодействия местных органов юстиции с партийными комитетами. Характерно, что на всем протяжении деятельности губернских отделов и уездных бюро процент коммунистов в них был не очень высок. Данные на апрель – июнь 1920 года свидетельствуют, что из 230 работников учреждений юстиции Курской губернии только 32 человека были членами РКП(б), что составляет 14 %²². Самым «партийным» учреждением юстиции являлся губернский революционный трибунал: из семи анкетированных сотрудников пятеро были большевиками²³.

Из всех вопросов, входивших в компетенцию отдела юстиции, Курским губкомом регулярно рассматривался вопрос о деятельности губернского ревтрибунала. В 1919 г. в связи с приближением денкинских войск возникла необходимость в передаче дел гражданского трибунала военному. Член губкома Миткевич выяснила, что «в Курске имеется Военно-революционный трибунал армии Южного фронта, в котором руководители не соответствуют своему назначению, губком же переместить этих руководителей не вправе». Проблема была разрешена достаточно просто: с разрешения военного округа Губкомдезертир²⁴ был временно превращен в военно-революционный трибунал Курского направления²⁵.

Отношения органов юстиции с партийными комитетами нередко носили негативный характер. В этой связи характерен случай, произошедший в Старооскольском уезде Курской губернии в июне 1920 г. По постановлению «уездного политбюро ЦК РКП(б)» был отстранен от должности и арестован судья 3-го участка В.Т. Зыбенко, который настаивал на справедливом рассмотрении дела по обвинению члена Ольшанского волостного исполкома Овсянникова, местного начальника милиции Садовникова и бывшего председателя Ольшанского волостного ревкома Солодченко в дискредитации Советской власти. В своей жалобе, направленной в НКЮ, Зыбенко прямо утверждает, что его отстранение и арест был обусловлен тем, что все трое обвиняемых были членами РКП(б) и занимали ответственные посты, непосредственно контролируемые уездным партийным комитетом²⁶.

¹⁹ Новоселов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 – начале 1919 годов // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 67.

²⁰ Там же. – С. 68.

²¹ ГАРФ. Ф. А-353. – Оп. 3. – Д. 81. – Л. 75.

²² ГАРФ. Ф. А-353. – Оп. 3. – Д. 158. – Л. 15.

²³ Там же.

²⁴ Чрезвычайная комиссия по борьбе с дезертирством, деятельность которой находилась под прямым контролем губкома РКП(б).

²⁵ ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп.1. – Д.3. – Л. 78.

²⁶ ГАРФ. Ф. А-353. – Оп. 3. – Д. 81. – Л. 104–109.

Приведенный случай ареста по указанию партийных органов не был единичным. В начале февраля 1919 г. по распоряжению председателя губернской следственной комиссии был арестован бывший председатель Губсовнархоза Хильченко. Губернский комитет партии на своем заседании 19.02.1919 г. постановил, что «находит возможным послать т. Хильченко в Путивль с обязательством Хильченко по требованию губкома или исполкома явиться для дачи возможных показаний следственной комиссии Ревтрибунала»²⁷. Ссылаясь на то, что Хильченко на момент ареста был избран председателем Путивльского исполкома, президиум губкома обвинил председателя следственной комиссии, следователя и работника, осуществившего арест, в «грубом отношении не только к отдельным лицам, но и к исполкому» и нашел необходимым привлечь их к ответственности. Производство дознания и следствие о привлечении к ответственности председателя следственной комиссии, следователя Солнцева и Задвинского было передано юридическому отделу губернской чрезвычайной комиссии²⁸.

Вопрос о праве на арест граждан вообще являлся камнем преткновения во взаимоотношениях между органами юстиции и иными учреждениями. Здесь уместно привести выдержку из циркуляра Министерства юстиции, подписанного А.Ф. Керенским 4.04.1917 г., которая характеризует его точку зрения по отношению к арестам: «Принятие против обвиняемого строжайшей меры обеспечения личности, т.е. взятие под стражу, требует особенно осмотрительного и вдумчивого отношения со стороны следственной власти»²⁹. В 1919 г. отношение к аресту как мере воздействия было принципиально иным. Арестовывать считали себя вправе любые властные органы, особенно, если они носили чрезвычайный характер. Характерны в этом отношении действия продовольственных комитетов. В марте 1920 г. Курский губернский отдел юстиции сообщил в Наркомат юстиции, что «представители продкомов, заключая под стражу граждан, не выполнивших разверстки ... не считаются с указаниями отдела на незаконность таких распоряжений, заявляя, с одной стороны, что существует продовольственная диктатура, а с другой – что Народный комиссар по продовольствию тов. Цурюпа диктует им такие меры»³⁰. В ответ на это сообщение Наркомюст направил губернскому отделу разъяснение о том, что «... декрет о разверстке подлежащего отчуждению хлеба и фуража ... прямо указывает, что граждане, упорствующие и злостно скрывающие свои запасы, подлежат конфискации имущества и лишению свободы по приговору Народного суда, а отнюдь не по распоряжениям продорганов, как это нередко практикуется»³¹.

Таким образом, проследив взаимоотношения местных учреждений юстиции с советскими, партийными и чрезвычайными органами, можно сделать вывод, что они зачастую носили конфликтный характер. Большинство межведомственных конфликтов, возникающих в исследуемый период, было обусловлено стремлением органов юстиции выполнять свою прямую функцию – защищать законность и обеспечивать правопорядок в обществе.

В то же время все более стабильная работа органов юстиции по охране правопорядка свидетельствовала о явном изменении отношения большевиков к институту государства и права. В рассматриваемый период происходит осознание властью того факта, что право, источником которого является государство, а не революционное творчество масс, есть не отживший элемент старого строя, а тот самый механизм, с помощью которого можно было решать поставленные задачи.

AN INTERACTION OF LOCAL JUSTICE BODIES WITH SOVIET, PARTY AND EXTRAORDINARY BODIES (1918-1922)

A.V. KRZYZHAN

Regional Open Social Institute (Kursk)

Having the model of Kursk province the interaction of justice institutions with soviet, party and extraordinary bodies in places is considered. The reasons and consequences of arising interdepartmental conflicts are revealed. Based on the archives as it's shown an aspiration of uyezd justice bodies to protect legality and provide for law and order in society in despite of departmental ambitions of state institutions and extraordinary bodies.

Key words: revolution dictatorship, legality, local justice bodies, revolution tribunal, province comities of the party, all-russian extraordinary commission (AEC), ration comity, ration dictatorship, violent withdrawal, law and order

²⁷ ГАОПИКО. Ф. П-65. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 17.

²⁸ Там же.

²⁹ ГАРФ. Ф. 1790. – Оп. 2. – Д. 31(2). – Л. 70.

³⁰ ГАРФ. Ф. А-353. – Оп. 3. – Д. 81. – Л. 93.

³¹ ГАРФ. Ф. А-353. – Оп. 3. – Д. 81. – Л. 92.